

МЕТАФОРИЧНО О МЕТАФОРЕ

IRINA S. KULIKOVA, DIANA V. SALMINA
TELLING METAPHORICALLY ABOUT A METAPHOR*...разговор о метафорах
тяготеет к метафоричности.**Поль Рикёр***Ирина Степановна Куликова**Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
филологического факультета

► krokus34@mail.ru

Диана Валентиновна СалминаКандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
филологического факультета

► salminad@rambler.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. ГерценаНабережная реки Мойки, 48,
Санкт-Петербург, 191186, Россия**Irina S. Kulikova, Diana V. Salmina**Herzen State Pedagogical
University of Russia48, Moika Emb.,
St. Petersburg, 191186, Russia

Предмет исследования в данной статье — метафорический способ представления концепта «метафора» в тематически целостной совокупности текстов — сборнике «Теория метафоры» (1990). Методами контекстуального и компонентного анализа была выявлена роль когнитивных метафор в формировании многоаспектного концептуального содержания термина *метафора*.

Ключевые слова: метафора; когнитивная метафора; экспрессивная метафора; терминологизация метафоры.

The article explores a metaphorical way of presenting the concept of “metaphor” in a thematically integral set of texts, the collection of essays “Theory of Metaphor” (Moscow: Progress, 1990). Using the methods of contextual and component analysis, the authors are revealing the role of cognitive metaphors in the formation of a multidimensional conceptual content of the term “metaphor”.

Keywords: metaphor; cognitive metaphor; expressive metaphor; terminologization of metaphor.

«Тайна метафоры привлекала крупных мыслителей», — этими словами начинается вводная статья Н. Д. Арутюновой в вышедшем под её редакцией сборнике «Теория метафор»¹, где, как написано в аннотации, «феномен метафоры рассмотрен в логико-философском, лингвистическом, когнитивном и стилистическом аспектах». Примечательно, что книга начинается с метафоры «тайна» — ‘2. Нечто неразгаданное, ещё не познанное’ [1], где акцент делается на **познании метафоры как объекта науки**. В этом же семантическом поле, на наш взгляд, находится и развёрнутая метафора Айвора А. Ричардса, соединяющая метафорические модели персонификации и пространства: «Я позволил себе на несколько минут **углубиться в дебри**, в которые может увлечь **метафора**, потому что страх перед этими **дебрями** был, возможно, одной из причин отказа от её изучения или **ограничения исследований** весьма **поверхностными** проблемами. Но мы не можем рассматривать даже эти **поверхностные** проблемы, пока не изучим **породившие их глубины речевого взаимодействия**» (45)² — к семе ‘непознанное’ здесь добавляются семы ‘трудный’ (дебри), ‘исследованный неосновательно’ (поверхностный) и антоним ‘основательный, содержательный’ (углубиться, глубины).

В развёрнутой метафоре А. Ричардса мы видим движение мысли учёного от метафоры как «таинственного» объекта науки к **метафоре как когнитивной структуре**, где, собственно, и кроется тайна. Далее в работах Д. Дэвидсона (171, 175), Дж. А. Миллера (263) и П. Рикёра (419–422) метафорическая модель *тайна* втягивает лексемы *загадка*, *разгадать*, *решить*, *разрешить*, объединённые семами ‘найти ответ’, ‘понять’. Концептуальное содержание этой метафорической парадигмы наиболее полно выражает следующая формулировка Поля Рикёра: «**Метафора не загадка, а решение загадки**» (420), переключающая внимание на когнитивный механизм, на психологические, логические и лингвистические основания понимания метафоры, которая, по другому метафорическому выражению того же П. Рикёра, «*представляет собой не сокращённое сравнение, а, наоборот, его движущую силу*» (442).

Сборник «Теория метафоры», послуживший в предлагаемой статье эмпирическим материалом, воистину является антологией метафоры. 20 авторов, представленных в нём статьями или главами книг, — это крупнейшие учёные-гуманитарии XX века. В современных отечественных исследованиях по метафоре постоянно встречаются имена испанского философа и социолога Хосе Ортеги-и-Гассета, представленного главой книги “Las dos grandes metáforas” (1924/23), немецкого философа и культуролога Эрнста Кассирера (глава книги “Die Kraft der Metapher”, 1925), английского философа Макса Блэка (глава книги “Models and Metaphors”, 1962), английского когнитивиста Эрла МакКормака (глава книги “A Cognitive Theory of Metaphor”, 1985), но особенно часто — американских лингвистов Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона (глава книги “Metaphors We Live By”, 1980).

Появление сборника в 1990 году не случайно: все исследователи справедливо связывают всплеск интереса к метафоре на рубеже XX–XXI вв. с утверждением принципа антропоцентризма и формированием когнитивной парадигмы, что в отечественной лингвистике нашло наиболее полное выражение в работах В. Н. Телия

[5; 6] и Н. Д. Арутюновой [2]. Коренным образом изменилось отношение к метафоре как к отражённому в языке способу осмысления мира, выразившееся в яркой метафорической формуле Дж. Лакоффа и М. Джонсона «**метафоры, которыми мы живём**» (389). Ещё более глубоко трансформировался взгляд на метафору как на инструмент научного познания. Это особенно актуально для нашего исследования, объектом которого являются метафоры в научном дискурсе, а конкретным предметом — метафорический способ представления концепта «метафора» в тематически целостной совокупности текстов.

Мы ограничили выборку только фрагментами, включающими термины *метафора* или *метафорический*, причём большая их часть содержит не одну, а несколько метафор, которые развивают единую авторскую мысль о сути концепта «метафора». Таких фрагментов оказалось не менее 180. Необходимо подчеркнуть, что основу эмпирического материала составляют когнитивные гносеологические метафоры, с помощью которых раскрываются разные аспекты концепта «метафора»: *эволюция взглядов на м.*, *функции м.* (*метафора и познание, метафора и истина, метафора и поэзия, метафора и наука*), *структура м.*, *механизм понимания м.* Все они с разной степенью полноты будут рассмотрены в последующем изложении за исключением освящённой традицией модели *жизнь и смерть метафоры*: достаточно широко представленная в нашем материале, она в значительной мере клиширована.

Философский взгляд на метафору, определявший в конечном счёте и взгляд лингвистический, менялся. Это направление исследования концепта «метафора», как и все другие, находит в книге достаточно яркое метафорическое осмысление с использованием как собственно онтологических, так и экспрессивных метафор. Приведём несколько примеров из статьи Н. Д. Арутюновой, отразивших эту борьбу взглядов на метафору и актуализировавших в глаголах *исторгать*, *изгнать* сему ‘насилие, сила’ (4. Неодобр. Физическое насилие или моральное, экономическое и т. п. давление): «**Рационализм исторгал метафору как неадекватную и необязательную**

форму выражения истины», соответственно «**совершение метафоры**» в научном исследовании «**приравнивалось к совершению преступления**» (10–11). Философский иррационализм впал в другую крайность: он «**стремился отдать все царство познания метафоре**», при этом «**изгнав из него истину**» (11). В итоге «**создалось впечатление о всемогуществе, всеприсутствии и вседозволенности метафоры...**» [2: 372].

Содержательный компонент ‘сила’, но уже в составе когнитивной метафоры ‘материальное или духовное начало как источник или побуждение к какой-л. деятельности, поведению’ [1] распространяется и на сущность изучаемого явления, повторяясь в нетождественных по смыслу онтологических метафорах. «**Сила метафоры**» — так озаглавлена статья (и книга!) Э. Кассирера, трактующая о сложном взаимодействии в метафоре «**духовной силы**» (35) и «**силы логоса**» (40). Несомненно присутствие семы ‘сила’ и в метафорическом использовании глагола *пронизывать* (3. что чем. Проходить через всё содержание, стать сущностью кого-, чего-л.), оценивающим место метафоры не только в речи, но и в жизни: «**Метафора пронизывает почти всю речь**» (Гудмен, 199); «**Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь...**» (Лакофф, Джонсон, 387).

Хорошо известно негативное отношение к метафоре как орудию познания английского философа-рационалиста Томаса Гобса: «**Метафоры <...> суть что-то вроде ignes fatui (блуждающих огней), и рассуждать при их помощи — значит бродить среди бесчисленных нелепостей, результат же, к которому они приводят, есть разногласие и возмущение или презрение**» (цит. по: (Арутюнова, 11)). Обратим, однако, внимание, что Т. Гобс позволил себе яркую эмоционально-оценочную метафору-сравнение только как троп. Классическая традиция понимания метафоры, восходящая к Аристотелю, ограничивала сферу её применения риторикой и поэзией, шире — художественными текстами, что получало подтверждение в культуре. «**Метафора расцветает на почве поэзии <...> Она соответствует художественному тексту своей сутью и статью**» (Арутюнова, 16; 20). Х. Ортега-и-Гассет так сфор-

мулировал различие места метафоры в поэзии и науке: «**Поэзия приветствует то, что наука отвергает. Поэзия и наука — враги, но каждый из них по-своему прав. Поэзия ценит в метафоре то, что осуждает наука**» (73). В научном тексте метафора крайне редко остаётся тропом.

«**Вотум недоверия**» метафоре сменился «**вотумом доверия**» (Арутюнова, 13; 5). Однако признанию права учёного на метафоричность мышления мешали теории, отрицающие «**информативную ценность метафоры и её истинностные притязания**» (Рикёр, 416). М. Блэк прямо предостерегал: «**Конечно, метафоры опасны — и, возможно, наиболее опасны в философии**» (169). По наблюдению Э. МакКормака, «**вязкими, неточными, фигуральными языковыми выражениями**» обычно воспринимались метафоры в текстах естествоиспытателей (372). Утверждение Х. Ортега-и-Гассета, что «**красота метафоры начинается сиять тогда, когда кончается её истинность**» (74), кажется, входит в противоречие с его собственной удивительно красивой метафорой, отнесённой к **сути философии** — смене философских метафор сознания: «**Получается, что все огромное здание Вселенной, преисполненной жизни, покоится на крохотном и воздушном тельце метафоры**» (76).

Мера истинности метафоры, на наш взгляд, может быть обоснована сопоставлением с содержательно соотносительными неметафорическими фрагментами научного текста. Сравним, например, фрагменты современной работы по философии метафоры С. Ю. Деменского и статьи В. Г. Гака, с одной стороны, и статьи Н. Д. Арутюновой — с другой: «**Гносеологический статус метафоры заключается в её роли необходимого гносеологического средства на этапе творения новой теории, создания эпохальных открытий, научных революций**» [4]; метафора позволяет «**представить данную систему с помощью системы, принадлежащей иной сфере опыта, где данный элемент представлен более очевидно**» [3: 13] — «**Метафора умеет извлекать правду из лжи <...> выбирает самый короткий и нетривиальный путь к истине**» (Арутюнова, 18). Нет сомнения, что путь к истине, избранный Н. Д. Арутюновой, короче и выра-

зительнее, но только сама истина, оформленная экспрессивно-образной метафорой, была бы лишена конкретности и точности научного знания, если бы не заключённый в этой метафорической рамке достаточно пространственный строго научный контекст.

Как уже было сказано, главная тайна-загадка метафоры — это её **когнитивный механизм**. «Чего нам недостаёт, так это всего лишь **ключа к механизму создания метафоры**», — пишет Д. Биккертон (294), при этом давно угасшие метафоры *ключ* («6. Средство, возможность для разгадки, понимания чего-л.») и *механизм* («2. Внутреннее устройство, система чего-л.»), сближаясь в контексте синтагматически, взаимно оживляются. По словам П. Рикёра, «**метафора — это одновременно „дар гения“ и мастерство геометра, превосходно владеющего „наукой пропорций“**» (440). Соединение, казалось бы, несоединимого — основанного на свободных ассоциациях творческого воображения и «сухой» логики (не это ли породило метафору-оксюморон «**холодный жар воображения**» (Уилрайт, 82) — затрудняет поиски «ключа», а при классическом подходе к метафоре как к тропу может показаться недопустимой «поверкой алгеброй гармонии». Поэтому особо весомо мнение М. Блэка, создателя первой и образцовой модели метафорического механизма: «**разъяснения оснований метафоры**» «**Её Величеству Метафоре**» могут «повредить не больше, чем музыке — изучение её гармонической и мелодической структуры» (169).

Отметим также чрезвычайно важный момент: М. Блэк является создателем «интеракционистской» модели метафоры, предполагающей взаимодействие двух субъектов метафорического суждения: «**Механизм метафоры заключается в том, что к главному субъекту прилагается система „ассоциируемых импликаций“, связанных со вспомогательным субъектом**» (Блэк, 168). Начинает подвергаться сомнению и, казалось бы, незыблемый столп теории метафоры — понимание её как скрытого сравнения. Дж. Сёрль считает, что метафоры «**жаркий спор, тёплый приём, прохладная дружба и сексуальная холодность <...> смертельны для теории уподобления**» (324);

признавая, что «*теория сходства ошибочна*», он стремится «*вывести набор стратегий для производства и понимания метафорических высказываний*» «**из-под обломков теории сходства**» (329). П. Рикёр, начиная статью с громкого подзаголовок «**Суд над сходством**» (435), предлагает далее нетривиальный анализ функции сходства в метафоре: «*...в метафорическом высказывании <...> „тождественное“ и „различное“ не смешиваются, а противоборствуют <...> Благодаря этому свойству метафоры её загадка остаётся в самом её сердце*» (400).

Нам представляются особенно важными для понимания когнитивного механизма метафорическая модель **противоборства** двух субъектов, (референты, предметы) метафоры. Эта модель объединяет многих авторов, получая различное лексическое воплощение при обязательном сохранении сем «две стороны», «сила», «борьба», хотя в каждом конкретном случае они дополняются и собственными контекстуально обусловленными ассоциативными признаками. Базой для возникающих при этом метафор могут быть прямые значения, как у метафор **вторжение** («Насильственно войти, ворваться» с актуализацией семы «внутри») у Н. Д. Арутюновой: «**Классическая метафора — это вторжение синтеза в зону анализа, представления (образа) в зону понятия, воображения в зону интеллекта, единичного в зону общего, индивидуальности в „страну“ классов**» (19); **отторжение** («Отделить насильственным путём» с актуализацией семы «вовне») — у Н. Гудмена: «**По-моему, метафора предполагает отторжение слова ... от первоначального буквального использования**» (196); **притяжение** («Физическое явление тяготения тел, частиц материи друг к другу» с актуализацией семы «сближение») — у М. Бирдсли: «**И это сплетение значений обусловлено своего рода притяжением (или оппозицией), присущим метафоре как таковой**» (202). Последний пример показывает, что метафора может актуализировать признаки производных значений, в том числе угасших метафор, ставших научными терминами в разных областях знания.

Это относится к метафоре **напряжение**, встретившейся в работах шести авторов, что сви-

детельствует о её особой концептуальной значимости для понимания когнитивного механизма метафоры: она заслуживает особого разговора.

Проведённый анализ позволил, насколько это было возможно в рамках статьи, показать 1) активность метафоры в гуманитарном научном тексте, 2) многоспектность использования метафоры для описания концепта «метафора», 3) преобладание когнитивных гносеологических метафор над экспрессивно-образными.

Завершим статью фрагментом работы Хосе Ортеги-и-Гассета, в котором последовательная цепочка когнитивных метафор завершается выразительным образом: *«Итак, метафора служит тем орудием мысли, при помощи которого нам удаётся достигнуть самых отдалённых участков нашего концептуального поля. Объекты, к нам близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далёким и ускользающим от нас понятиям. Метафора удлиняет „руку“ интеллекта; её роль в логике может быть уподоблена удочке или винтовке»* (72).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Источник материала: [7]. Тексты: Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. С. 5–32; Бикертон Д. Введение в лингвистическую теорию метафоры. С. 284–306; Бирдсли М. Метафорическое сплетение. С. 201–218; Блэк М. Метафора. С. 153–172; Гудмен Н. Метафора — работа по совместительству. С. 194–200; Дэвидсон Д. Что означают метафоры. С. 173–193; Кассирер Э. Сила метафоры. С. 33–43; Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём, мир понятий, окружающий нас. С. 387–415; МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры. Введение. С. 358–387; Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры. С. 236–283; Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры. К двухсотлетию со дня рождения Канта. С. 68–81; Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение Канта. С. 416–434; Рикёр П. Живая метафора. С. 435–455; Ричардс А. А. Философия риторики. С. 44–67; Серль Дж. Метафора. С. 307–341; Уилрайт Ф. Метафора и реальность. С. 82–109.

² Единство источника позволяет давать ссылки, сопровождающие примеры, в круглых скобках с указанием фамилии автора и страницы (Рикёр, 451), а при назывании автора в тексте — только с указанием страницы (257).

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 346–399.

3. Гак В. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте: монография / отв. ред В. Н. Телия. М.: Наука, 1988. С. 11–25.

4. Деменский С. Ю. Научность метафоры и метафоричность науки: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2000. URL: <http://cheloveknauka.com/nauchnost-metaphory-i-metaphorichnost-nauki#ixzz5AT7EagQi> (время обращения: 20.03.18).

5. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173–204.

6. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 26–51.

7. Теория метафоры: Сб.: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М., 1990.

REFERENCES

1. Kuznetsov S. A. (ed.) (1998) *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language.]. St. Petersburg, 1998. (in Russian)
2. Arutyunova N. D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka*. 2-e izd., ispr. [Language and the world of man. 2nd ed., ISPR.]. Moscow, pp. 346–399. (in Russian)
3. Gak V. (1988) *Metafora: universal'noe i specificheskoe* [Metaphor: universal and specific] *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow, pp. 11–25. (in Russian)
4. Demenskiy S. Yu. (2000) *Nauchnost' metafor i metaforichnost' nauki* [The scientific nature of metaphor and metaphorical science]: (Candidate's thesis, Philosophy). Moscow, MGU im. M. V. Lomonosova (in Russian)
5. Teliya V. N. (1988) *Metaforizatsiya i eyo rol' v sozdaniy yazykovoy kartinny mira* [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world] *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartinna mira* [The role of the human factor in language. Language picture of the world and] Moscow, pp. 173–204. (in Russian)
6. Teliya V. N. (1988) *Metafora kak model' smysloproizvodstva i eyo ehkspressivno-ocenchnaya funktsiya* [Metaphor as a model of meaning production and its expressive-evaluative function] *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text] Moscow, pp. 26–51. (in Russian)
7. Arutyunova N. D., Zhurinskaya M. A. (ed.) (1990) *Teoriya metafor* [Metaphor theory]. Moscow (in Russian)